

## Юрий ДЮЖЕВ

Юрий Иванович ДЮЖЕВ родился в 1937 году в Ленинградской области. Литературовед, критик, автор нескольких книг и многочисленных статей по русской советской литературе. Доктор филологических наук. Член Союза писателей России. Живет в Петрозаводске.



# “ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ” СТЕПАНА ПИСАХОВА

## 1

Душа художника и сказочника Степана Григорьевича Писахова лепилась в раннем детстве под влиянием двух народных стихий: устремленной к Царю небесному материнской старообрядческой веры и отцовской жажды практического устройства здесь, на земле, благочестивой и зажиточной жизни.

“Род староверский. — вспоминал Писахов. — ...К бабушке собирались старухи из-за реки, из скитов Короды да из Амбурского. Приезжали начетчики-старикки. “Строго и правильна в вере”, — говорили про нее старухи, про бабушку-то”.

Мальчика, родившегося в октябре 1879 года, хотели назвать Сергеем, но бабушка, поморка из Пинежья Хюния Васильевна, запротестовала, и в честь прадеда ему дали имя Степан. Уже будучи взрослым, Писахов любил вспоминать, как хорошо было ему в бабушкином стареньком доме, где на стене висели старинные часы с кукушкой, где “двери скрипели, пахло квасом, мятой и еще чем-то очень вкусно, уютно”. О причастности своей к “роду староверскому” Писахов никогда не забывал и в знак уважения к религиозным воззрениям предков написал с натуры в 1910 году этюд, а затем картину “Место сожжения протопопа Аввакума в Пустозерске”.

Об этих старообрядческих корнях Писахова ни слова не упомянул первый био-

граф писателя литературовед Н. Сахарный, на зато он красочно поведал о брате Хюнии Васильевны — деде Леонтии, который “был сказителем-профессионалом, и его были и небылицы особенно запечатлевались в душе мальчика”<sup>2</sup>.

С легкой руки Н. Сахарного история деда Леонтия, от которого внук перенял мастерство сказочника, перешла в труды других ученых. На самом деле, сообщил Писахов в письме И. С. Соколову-Микифору от 30 августа 1949 года, “мой дед-сказочник умер до моего появления, его сказок никто не упомянул. Язык моих сказок — язык людей, с коими жил, рос”. А рос мальчик в культивируемой матерью и бабушкой атмосфере староверческих правил жизни. Знакомство с песнями, псалмами и гимнами религиозно-сектантской поэзии давало ему особое движение и направление и заставляло его воображение носиться в иных сферах. “Соединение Бога с человеком, земного с небесным, переход человека из обыкновенного состояния в божественное, отождествление человека с Богом, — какое широкое поле для фантазии!”<sup>3</sup> — писал историк раскола И. М. Добротворский, один из внимательных исследователей “возвышенной и обольстительной” духовной поэзии “хлыстов”, или “людей Божиих”. Не удивительно, что впоследствии героем своих сказок Писахов делает героя, который может передвигать реки, ловить ветра и складывать

<sup>1</sup> Писахов С. Г. Сказки; Очерки; Письма. /Сборник. Сост., авт. вступ.ст. и коммент. И. Б. Пономарев/. Архангельск. 1985. С. 283.

<sup>2</sup> Сахарный Н. С. Г. Писахов: Биограф. очерк. Архангельск. 1959. С. 28-29.

<sup>3</sup> История русской литературы. Под ред. Е. В. Аничкова. Т. 1. М., 1908. С. 397-398.

их за пазуху, словом, олицетворяет соединение Бога с человеком.

Что же касается отцовского влияния, то оно определялось желанием старшего Писахова, цехового мастера серебрянников, увидеть в сыне продолжателя своего дела, дать ему полезную и денежную профессию. Отец, выходец из Белоруссии, пытался приучить мальчика к ювелирным и граверным делам. Когда вслед за старшим братом, художником-самоучкой, Степан потянулся к живописи, это не понравилось отцу, который внушал сыну: "Будь саножником, доктором, учителем, будь человеком нужным, а без художника люди проживают". Не поощрял отец и увлечения книгами. ("Чтение преследовалось", — вспоминал Писахов, рассказывая, как ему приходилось тайком забираться с любимой книгой под кровать и там читать.) Отец хотел видеть сына склонившимся над ювелирным изделием, а тот всей душой рвался на свободу из тесной и душной мастерской.

Круг чтения в детстве и юности постепенно расширялся от народной лубочной литературы до классической. Огромное впечатление на мальчика произвел роман Сервантеса "Хитроумный идальго Дон Кихот ламанчский". Как признавался потом Писахов, "Дон Кихота полюбил на всю жизнь, и всегда больно, когда берут это имя в насмешку". Роман Сервантеса стал впоследствии толчком к написанию пародии на мемуары под названием "Мемуары маркиза де Писахофф", так и не увидевшей свет. В более общем, философском плане фигура "бедного рыцаря", пустившегося в рискованное путешествие вопреки насмешкам родных и близких, еще более укрепила желание юного Писахова убежать из-под опеки отца.

Мысль о желанных странствиях по свету подпитывалась чтением популярных в староверческой среде матер и бабушки легенд, поучений, псалмов, в которых проводилась идея о необходимости полного отрешения сторонников истинной церкви от обитаемого мира, о необходимости бегства от антихриста в пустыню. В наиболее радикальной форме эту идею претворяла популярная в бассейне Северной Двины секта бегунов, или странников, основанная беглым солдатом из крестьян Евфимием во второй половине XVIII века.

Пример отца, для которого верность цеху серебрянников превратилась в мертвую петлю на шее, еще более укрепила в юном Писахове стремление разорвать с миром мещанства, где, по его наблюдению, уничтоже-

ны все благочестивые обычаи, где засилье антихриста стало тягостным, — с тем чтобы в пустыне, вдалеке от дома, обрести убежище. В датированном июнем 1914 года послании А.Б.Журавскому Писахов признается, что ему "много раз снилось, что Север затоплен — заглушен проходимством во всех видах — злобой, неподвижностью... Ах, уже почти знаю, что новое испытание, новые камни на дороге, новые трупы злобы. Но знаю, победа на стороне любви!"

В 1899 году он устремляется вначале на Соловки ("лишь куда-либо!"), потом в Казань, пытается поступить там в художественную школу, а когда эта попытка оказывается неудачной, в 1902 году уезжает в Петербург и начинает курс обучения в художественном училище барона Штиглица. Отец продолжает укорять сына за выбор "голодной профессии", советует: "Будь полезным: учь или лечи". Сын выслушивает его, но стоит на своем: "Он был прав, правым и я себя считал". На получаемые из дому ежемесячные десять рублей Писахов на протяжении трех лет вносит полугодное существование, овладевая в училище профессией учителя рисования и художника-прикладника, а на занятиях в частных школах — живописью. С той поры на всю жизнь у него сохраняется стойкое предубеждение против "академической" живописи. Как пишет он И.И.Ясинскому 20 июня 1913 года: "Академия — это просто фабрика фальшивых ценностей".

В 1905 году, так и не закончив курс обучения, Писахов вместе с большой группой студентов уходит из училища. Не имея на руках диплома о праве занятия учительской должностью (соответствующий аттестат ему был выдан в 1936 году), лишенный всяких источников существования, Писахов готов признать ошибочным избранный им путь художника и даже надеть на себя солдатский мундир. "В начале японской войны я пробовал поступить добровольцем, — вспоминает он в письме А.В.Журавскому от 31 июля 1914 года, — но тогда был не просто патристический подъем, а мысль о собственной никудышности и просто хотелось заменить кого-либо из "нужных". В этот критический момент духовного кризиса Писахов обращается в поиск "божней правды": вначале у древнерусских святых Новгородца (где самыми памятными для него стали исповедальные беседы с хранителем сокровищ национальной культуры местным археологом Передольским), а чуть позднее, летом 1905 года, — на арктическом Севере, который художник, не расстававшийся в своих

путешествиях с мольбертом, сравнивал со “строгим, светлым огромнейшим кафедралом”, где “простор напоен стройным песнопением”, где “свет полный, без теней. Мир только что создан”. После трех лет “голодной академии”, петербургской грязи и света, он наконец-то может уйти “в новый мир чистого пейзажа”, где “воздух чист от криков жадных, злых, страстных, властных”.

Здесь, в Арктике, Писахов надеялся увидеть реализованной давно засевшую в его сердце “мечту о счастливом крае, где нет злобы, вражды, где только любовь”,<sup>4</sup> и потому с таким сочувствием отнесся к местным аборигенам, пенцам, добрым, наивным и бесхитростным обитателям Новой Земли. Писателя поразили их сказки — про людей, “которые только любят и не знают ни вражды и ни злобы... Если они перестают любить, сейчас же умирают. А когда они любят, они могут творить чудеса. Если надо за зверьем угнаться или спастись от злого духа, те люди рисуют на снегу сани и оленя, садятся и едут так быстро, что ветер восточный догнать не может”. Позднее к разговору об отзывчивости и душевной чистоте ненцев он неоднократно возвращался в своих воспоминаниях и краеведческих очерках. В ненецком фольклоре Писахова привлекало близкое староверческому мифотворчеству: среди поразивших его воображение “самоедских сказок” была история девушки, вначале похороненной по причине своей бездуховности (“у меня нет души, мне нечем жить”), а потом оживленной сказочным героем, отдавшим ей половину своей души. Это настроение самопожертвования во имя счастья людей было дорого Писахову.

Поиск божественной “солнечной теплоты”, которая могла бы возродить в человеке духовную природу, Писахов начинает в Арктике и продолжает поздней осенью того же 1905 года далеко на юге, куда попадает в толпе российских паломников. “Там, думал, увижу самое прекрасное на земле! Осенью 1905 года попал в Иерусалим, остался без гроша. Был писарем у архиепископа Вифлеема. Получил разрешение у турецких властей — прада султана — на право рисовать во всех городах Турции и Сирии. Потом Египет. Вернулся домой в Архангельск. Как будто глаза прополоскались! Где деревья красивее наших берез? Их нет. А гаммы жемчужно-серебристых тонов, золото солнечной ночи! Летние ночи, пол-

ные света без теней, — это так громадно по красоте...”

Всю свою жизнь он был прописан в одном и том же доме в Архангельске по улице Поморской, 27 — и всю жизнь искал царство “искренних, простых (человеческих) отношений” вне “культурного мира”. Самыми памятыми для него путешествиями были плавание в 1906 году по Карскому морю на корабле “Св. Фока”; участие в 1914 году в поисках Георгия Седова; исследование земли саамов; присутствие при основании первых станций радиотелеграфа на Югорском Шаре, Маре-Сале и острове Ваигач. Все увиденное он запечатлевал в своих пейзажах. Петербурге, Москве, Берлине, Риме. Имя Писахова по праву вошло в составленную С.Марковым летопись самых знаменитых путешественников России<sup>5</sup>.

Насытившись жемчужно-серебристыми тонами северных пейзажей, Писахов снова устремляется на юг и в 1907—1913 годах успел побывать в Константинополе, Порт-Саиде, Александрии, Бейруте, Иерусалиме, Самарканде. Восток привлек Писахова не только экзотичностью пейзажа (“Надо побывать в Персидском заливе — там, говорят, солнце красивое. Может, самое цветное”, — писал он А.С.Яковлеву), но и своей богатой, самобытной культурой. Представление о Востоке — “ярком, красочном” — сформировалось у Писахова, как и у многих русских, не без влияния популярных в дореволюционное время арабских сказок “Тысяча и одна ночь”, которые сам “буревестник революции” М.Горький любил перечитывать, чтобы “отдать очарованью сладких вымыслов”, свободной игре словом... буйной силе цветистой фантазии народов Востока”. Характерное для арабских сказок сочетание причудливой фантазии с реалистическим изображением жизни и быта умных и ловких простолюдинов, одурачивающих представителей светской власти и духовенства, стало для Писахова одним из источников творческого вдохновения при сочинении своих сказок.

В те же годы Писахов путешествует по Западной Европе; несколько зим (1906, 1907, 1911 годы) занимается живописью в Риме и Париже, и это позволяет ему приобщиться к сокровищам человеческой мысли и знаниям, накопленным на протяжении всей истории культуры и просвещения, в том числе оценить популярность на Западе сказочной фантастики “Удивитель-

<sup>4</sup> Писахов С. Воспоминания. На Северной Двине: Сб. Архангельск. 1924. С.46.

<sup>5</sup> Марков С. Летопись. М., 1978. С.227-228.

ных путешествий барона фон Мюнхгаузен — книги, которая до революции выходила на русском языке в различных обработках.

Но как бы ни поражали воображение Писахова красочная мифология Востока и причудливое смешение трагического и комического в жизни Запада ("Помните — Анатолий Франс, получая книги для отзыва, сваливал их в ванну бездействовавшую. Когда ванна была полна, А. Франс звал старьевщика — очистить". — усмехался Писахов в письме П. Е. Безруких), но всегда очередное путешествие оканчивалось возвращением в родной дом с надеждой, что здесь, за время отсутствия, произошли перемены к лучшему и "уже несут голуби радостные вести по Северу! Уже говорят дядям: "Потоп прекратился, вода спадает. Просыпайся, край, к Новой жизни!.."

За десять лет, прошедшие после ухода из художественного училища, Писахов в своих путешествиях накопил огромный жизненный опыт и через упорный труд (на выставке "Русский север" в Архангельске в 1910 году он показал более 150 картин) обрел имя многообещающего пейзажиста, его картина "Сосна, пережившая бури" отмечена добрым отзывом самого П. Е. Решина.

Но заряд творческой энергии, от рождения заложенный в Писахове, был столь велик, что одного увлечения живописью уже казалось недостаточно для полного выражения индивидуальности. Подобно Реннину, на склоне лет принявшемуся писать воспоминания на основе устных рассказов, Писахов берется за перо и, оглядываясь на пройденный путь, воссоздает в очерках "Самоедская сказка" и "Сон в Новгороде" портреты современников. Оба эти очерка были опубликованы в архангельской газете "Северное утро", которая издавалась поэтом-суриковцем и журналистом Максимом Леоновичем Леоновым<sup>7</sup>.

В газете печатались стихи его сына Леонида Леонова, ставшего впоследствии известным писателем.

Вокруг ежедневной политической, общественно-литературной и экономической газеты "Северное утро", начавшей выходить в июне 1911 года, объединились представители местной интеллигенции. Любовь к Русскому Северу с богатством его древних художествен-

ных традиций сблизила и подружила на всю жизнь таких разных людей, как Леонид Леонов, Степан Писахов, Борис Иергин. Все они до революции начинали путь в искусство как художники, участвовали в городских выставках и на этой почве могли часто общаться и обмениваться опытом живописных решений. Все трое застали еще то время, когда из уст М. Д. Кривошленовой и других сказителей можно было услышать сказки, предания, старины, легенды, быльины, притчи, песни, когда устное художественное слово питало духовную атмосферу общества<sup>8</sup>.

Все трое не питали симпатий к партии большевиков, не участвовали в революционных событиях на Севере и потому с чувством внутреннего протеста узнали о закрытии газеты "Северное утро" и аресте ее редактора М. Д. Леонова в мае 1918 года "за напечатание воззвания союза духовенства и мирян". Выпуск газеты возобновился в августе, вечером того дня, когда "в город вошла часть морских и сухопутных военных сил союзников"<sup>9</sup>.

С. Писахов лояльно отнесся к новой власти и опубликовал в "Северном утре" очерк, имевший подзаголовок "Из поездок на фронт"<sup>10</sup>, что дает повод говорить о его контактах с временным правительством Северной области.

Продолжая заниматься живописью, Писахов всерьез подумывал о писательской профессии. Он и ранее много раз пытался писать: воспоминания, записки путешественника, пародии, "пробовал коротенькие рассказы и сказки, их я импровизировал, рассказывая, или, рассказывая, переделывал мною написанное — но все обрывалось". На этот раз Писахов решает работать "по-крупному", о чем говорит публикация на страницах архангельской газеты "Возрождение Севера" отрывка из романа "Моя антипатия"<sup>11</sup>.

Еще три части этого произведения под

<sup>7</sup> "Работаю как будто и много, милый Степан Григорьевич... а внутри все что-то сосет, все хочется такое сделать, чтобы в жар бросило самого меня. Благотворительное сие намерение поддерживает меня в суетной повседневности дней наших", — писал Л. Леонов С. Г. Писахову в феврале 1942 года. Письмо опубликовано в кн.: В. П. Крылов. Леонид Леонов — художник. Петрозаводск. 1984. С. 29.

<sup>8</sup> "Северный календарь-снегодник на 1918 год. Под ред. А. Н. Попова и А. А. Иванова. Архангельск. 1918. С. 71, 72.

<sup>9</sup> Писахов С. Северные церкви (Из поездок на фронт). Сев. утро. 1918. 22(9) окт.

<sup>10</sup> Писахов С. Моя антипатия (Роман). Возрождение Севера. Архангельск. 1919. 26 янв.

<sup>11</sup> М. Д. Леонов был арестован в Москве в начале 1908 года за соприкосновение в демократической печати, проходил в Таганской тюрьме до начала 1910 года и был выслан в Архангельск.

общим заголовком “Мои Я” Писахов помещает на страницах вышедшего в том же 1919 году в Архангельске сборника стихов и рассказов “На Севере дальнем”.

Лейтмотив романа, так и не завершеного автором, — трагическое восприятие России, вызванное крушением привычного миропорядка. Написанный от первого лица, роман пронизан безысходным отчаянием. Герой находится в смятении перед лицом постигшей Россию катастрофы и полнотой утрачивает душевное равновесие:

“В момент, вернее в период пробуждения, я как будто делаю полшага в сторону от себя и вижу целый ряд Я. И часто не знаю, который Я — сам Я, центральный Я.

Иногда наяву чувствую, что мои Я живут самостоятельной жизнью. Иногда я ухожу в того или другого и вдруг, спохватившись, ловлю себя на неожиданной для меня мысли или движении”.

В памяти героя всплывают увиденные им в Италии, на кладбище Бриндизи, похороны девушки. Он вспоминает, как на неизвестной могиле плакал о “неизвестной” девушке и еще острее осознает утрату себя, утрату устойчивости и возможности счастья: “Выкинутый за грань мироздания, усталый, несущийся в бесконечности этой страшной мучительной пустыни, — я вдруг нашел свои слезы!”

Завершающая публикацию глава имеет символическое название “Церковь, путь к которой потерян” (сон в Карском море) и заканчивается картиной обретения героем духовной гармонии перед лицом Христа: “Мои Я все разом вошли в церковь... Служба кончилась, мои Я вышли радостные, наполненные солнечным светом”.

Нет никаких свидетельств, что в момент работы над романом Писахов был знаком с поэмой Блока “Двенадцать”, опубликованной в апреле 1918 года и завершавшейся символическим образом Христа. Здесь можно говорить лишь о характерном для русской интеллигенции обращении к христианству как великой нравственной силе, способной в переломную эпоху помочь человеческой душе обрести смысл и цель жизни.

Прочитированные выше отрывки незавершенного романа Писахова ломают привычное представление о нем как об авторе, писавшем “во всегдашнем радостном ключе”, как о человеке, в котором как “вечное детство жила вечная радость”.<sup>11</sup>

Поистине Писахов ощущал в себе “целый ряд Я”, и если в общении с внешним миром демонстрировал юмор и оптимизм, то, оставаясь наедине с собой, болезненно ощущал зависимость своей судьбы от истории и не раз был охвачен трагизмом безысходности.

Для “выкинутого за грань мироздания” Писахова бальзамом на душевные раны были две статьи Леонида Леонова, которые тот опубликовал в 1918 году на страницах газеты “Северный день” и посвятил художническому таланту земляка.<sup>12</sup> Название одной из них — “Поэт Севера” — позднее стало крылатой фразой, многократно использовавшейся в оценке дарования Писахова.

К творческой интеллигенции, яркими представителями которой в Архангельске были Леонид Леонов, Степан Писахов, Борис Шергин, временное правительство Северной области относилось терпимо: они устраивали выставки картин, публиковались в газетах, выпустили сборник “На Севере дальнем”. Все трое не подозревали, что ситуация может резко измениться и их творческая активность будет расценена как пособничество “белым”. 18 февраля 1920 года вышел последний номер газеты “Северное утро”, а в ночь на 19 февраля “белый” генерал Миллер перешел на яхту “Ярославна” и бежал за границу, а в Архангельск вступили части Красной Армии.

Л. Леонов сразу же покинул Архангельск, переехал на юг России и впоследствии рассказ о своей самостоятельной жизни начинал со службы в 1920—1921 годах в газете Красной Армии. Вслед за ним уехал в Москву Б. Шергин, благо Институт детского чтения потребовался искусный рассказчик фольклорных произведений. Что же касается Писахова, то он не в силах был покинуть родной дом и любимый Север. Ему оставалось только одно — найти форму поведения, позволившую бы выжить и сохранить творческое лицо в условиях власти, которая никогда ничего не забывает и не прощает.<sup>13</sup>

<sup>12</sup> Леонов Л. Поэт Севера (У художника С. Г. Писахова). Сев. утро. 1918. 3 мая; Леонов Л. К предстоящей выставке картин художника Писахова. Сев. день. 1918. 21 июня.

<sup>13</sup> В декабре 1970 года автор этого исследования беседовал в Ленинграде с К. И. Коничевым, в тридцатые годы руководившим Архангельским отделением Союза писателей, и он между прочим вспоминал о “белогвардейском” прошлом С. Писахова.

## 2

Писахов, каким его знали до революции, всегда чисто брился и опрятно одевался; любил в письмах передать восхищение "полетом звуковых волн Баха" и "психологизмом" картины И.Ясинского "Лепидозавр". К сорока годам это был невысокого роста крепкий и здоровый мужчина, выглядевший моложе своего возраста. Учеба в Петербурге, знакомство с художественными коллективами России, Франции, Италии, богатейшие впечатления от путешествий по Средней Азии и арабскому Востоку — все это вылилось в яркую фигуру образованного, умного и наблюдательного интеллигента.

Но после победы диктатуры пролетариата эти достоинства не только не были востребованы, но и стали вызывать подозрение у власти имущих. В целях самосохранения Писахов резко меняет свой облик, манеру поведения, стиль общения с окружающими. Знает "скоморошью" Русь, он надевает карнавальную маску бахаря-сказочника: отращивает бороду, появляется на людях в старомодной одежде и поношенной шляпе, осваивает лексику простонародья, которую украшает озорными выдумками "веселого молодца". Таким в довоенные годы запомнился он Илье Брагинну:

"Коротенькая подвижная фигура его с большой головой, рыжей шевелюрой, рыжей бородкой, в надвинутой на уши старенькой шляпенке с опущенными вниз полями знакома была всякому архангелогородцу. Он был живой исторической достопримечательностью Архангельска. Недаром же и сам он говаривал с гордостью, хотя и облеченной в шутейную форму: "Приезжие в Архангельск осматривают сперва город, потом меня"<sup>11</sup>.

Избранная Писаховым "шутейная форма" поведения производила неизгладимое впечатление на всех видевших его и писавших о нем. Из статьи в статью повторяется портрет "доброго архангельского колдуна", который напоминает коненковского "мужичка-лесовичка"<sup>12</sup>.

Этот "кудесник", этот сказочный старичок-лесовичок<sup>13</sup> принимал у себя на квартире известных писателей Демьяна Бедного, Артема Веселого, Анну Караваеву, Лео-

нида Леонова, Владимира Лидина, Павла Пизовского, А.Новикова-Прибоя, Илью Эренбурга и многих других, жаждавших послушать великого выдумщика и говоруна.

Вместе с Борисом Шергиным, в эти же годы исполнявшим перед московскими слушателями "старинны", Писахов в глазах интеллигентной публики виделся наследником "гусельников" и "глумцов" — скоморохов, в старину неперенных участников любимых русских утех. В книге "Скоморохи на Руси" А.С.Фаминцын указывал, что народное предание не делает строгого различия между певцом-гусельником, поющим серьезные героические или исторические песни и былины, и певцом-потешником и плясуном, забавляющим толпу площадными песнями, шутками и выходками: "И тот и другой носят на народном языке одно название: "скоморох", "гудец" (или "игрец"), "веселый молодец". Если художественная деятельность Шергина во многих отношениях совпадала с бытиным певцом-гусельником Бояном или с переодетым в скомороха певцом на княжеском пиру Добрыней (Шергин производил то же самое возвышающее, воодушевляющее впечатление на слушателей), то Писахов вызывал восторг и удивление выдумыванием невероятных историй и в этом отношении был ближе к традиции сочинения древними скоморохами фантастических баснословных рассказов. Такие бахары, которых А.С.Фаминцын называет "баятелями басен, сказителями сказок"<sup>14</sup> были вплоть до начала XIX века необходимыми лицами в хорах русских царей и в каждом зажиточном русском доме, где они сказывали сказки, новости, прибаутки (правда, в отличие от праотцев своих — гусяров, без сопровождения музыкального инструмента).

Прекрасный исполнитель былины, мастер "великой игры" Шергин и великолепный баятель сказок, мастер "веселой игры" Писахов способны были переходить от серьезной, или "великой", игры к веселой и наоборот: Шергин после публикации книги "старинны" выпустил сборник смешных историй о проделках "шпиша московского"; Писахов чередовал описание озорных проделок Сени Малины с работой над документальными очерками. Но при всем отличии укрепившихся за ними творческих репутаций оба чувствовали себя скоморохами

<sup>11</sup> Брагин И. Недавние были. — Архангельск, 1972. С.121.

<sup>12</sup> Жернаков Н. Светлый мастер. М., 1982. С.88.

<sup>13</sup> Дементьев Вал. Избр. пр. в 2-х т. Т.1. М., 1982. С.483.

<sup>14</sup> Фаминцын А.С. Скоморохи на Руси. СПб., 1889. С.27.

(уже не на княжеском, а на большевистском пиру) и в душе своей постоянно были готовы, как их предшественники, к упрекам в поощрении “бесовских” увеселений, к “великой опале и жестокому наказанию”, “битью кнутом” и “битью батогами”, которыми еще в XVII веке наказывал за скоморошны “бесчинства” и “неистовства” царь Алексей Михайлович.

По этой причине слышший “веселым молодцем” Писахов всегда был готов к отпору. “Его острое слово, его пронзительные глазки и усмешливая улыбка могли и отпугнуть человека, особенно если этот человек был, что называется, “солидный”, — вспоминал И. Бражнин. — Впрочем, истинно ради, следует отметить, что с началом всех времен и всех рангов хитроумный остряк умел ладить”.

Первое, что сделал Писахов после освобождения Севера от интервентов, — это подготовил в 1920—1921 годах пять своих выставок, на двух из них представлены графические портреты партизан — борцов за советскую власть на Севере и местных героев трудового фронта. В названиях его картин, написанных маслом, появляются четкие идеологические клише: “Памятник Ленину на мысе Желания”, “Памятник жертвам интервенции на Иоканьге”, “Советский Север”, “Комсомольская радиостанция в Русской гавани”. Всегда далекий от политики, Писахов в картинах двадцатых годов усердно подчеркивает свою лояльность советской власти, за что премируется персональной выставкой (Москва, 1928 год) и зачислением после нее в основную группу ЦЕКУБу — Центральной комиссии по улучшению быта ученых. Еще более его авторитет в глазах архангельской власти укрепляется статьей В. Лидина, который величает Писахова “Оберегателем Севера” (“Красная нива”, 1926, № 15). “Хитроумный остряк” с белогвардейским прошлым, к удивлению местных правителей, оказывается официально признанным в столице лицом, и к Писахову, как в древности к “государевым бахарям”, начинают относиться в родном городе с осторожностью и уважением.

Приезжая в двадцатые годы в Москву, Писахов обычно останавливался у Шергина, жившего в Сверчковом переулке в полуподвальной комнате дома, где располагался Институт детского чтения. После обмена новостями друзья поднимались в находившееся на чердаке того же дома жилище профессора Анны Константиновны Покровской, с которой Писахов впервые

встретился в 1907 году. Собирались другие знатоки и любители сказок, в центре внимания которых оказывался “архангельский колдун” Писахов. “В Москве для меня самое интересное побывать у Анны Константиновны, — вспоминал Писахов в письме Б. В. Грозевскому от 9 февраля 1940 года. — Когда я рассказывал у Анны Константиновны сказки, то с высоты ее капитанского мостика видны были погрешности сказок. Рассказывая, на ходу поправлял. Для меня рассказывание у Анны Константиновны была проверка, экзамен сказками. И если Анна Константиновна приняла, то я начинал верить сказке”.

Писахов повторял путь, пройденный ранее Шергиным: тот тоже оттачивал форму и содержание своих сказок после многократного их исполнения перед аудиторией. Но если для знатока “старины уходящей” Шергина сочинение поморских легенд было лишь частью углубленного внутреннего самосозерцания, поиска “философского камня” в постоянной работе души, в размышлениях наедине с собой о цели и смысле жизни, выплескивавшихся на страницы дневника, то для Писахова сочинение сказок — единственная возможность обрести свободу вне этого мира, где по старообрядческим убеждениям царствует антихрист, попытка бегства от всякого соприкосновения с реалиями советской жизни. Ранее он мог отрешиться от затопленной “злостью, неподвижностью” жизни — уходом за пределы Севера, куда-нибудь в Самарканд или Порт-Саид, но сейчас любые заморские страны оказались за пределами досягаемости. До революции Писахов мог отдохнуть душой в Арктике, где сам выбирал сюжеты для своих картин и мог без всяких оглядок, повинаясь только сердцу, рисовать с натуры место сожжения протопопа Аввакума. Теперь же в своих путешествиях по Северу Писахов вынужден был выполнять социальный заказ и писать бюст вождя пролетариата на мысе Желания. Но расколынича натура Писахова не могла смириться с навязываемыми извне правилами социального поведения. Если уж физическое тело Писахова не могло преодолеть установленный большевиками “железный занавес”, то ничто не мешало буйному воображению художника обрести желанное царство свободы вне этого мира, в фантастических видениях, в сказке. И чем более жестко вела себя советская власть по отношению к своим подданным, чем страшнее становились условия жизни простых людей — тем ярче и

красочнее становились узоры писаховской фантазии.

Впервые записывать свои рассказы Писахов стал еще до революции по совету И.И.Ясинского — писателя, журналиста, известного как редактор журналов “Беседа”, “Новое слово”. “Иероним, слушающая мои рассказы, убедил меня “написать”, — вспоминал Писахов в письме к П.Е.Безруких от 1 января 1939 года — Я действительно “написал”! Вот той чепухи я не хотел бы видеть в архиве. Вы знаете, как легко цветно говорить, а писать — слова деревенеют, сохнут, не знают, как им стать, куда руки-ноги девать. Хорошо это тем, кто умеет”.

В письме И.И.Ясинскому от 29 июня 1913 года Писахов называет своего адресата “единственным художником, которого я всего люблю”. Тем более огорчительной была неудачная попытка реализовать совет старшего друга. Через некоторое время Писахов попробовал свои силы в жанре очерков, затем — романа, но каждый раз “слова деревенежи, сохли”, и автор возвращался к привычной работе живописца, где все было ясно и понятно. “Как художник я реалист, к сожалению, только пейзажист, — сообщал Писахов в письме к П.Е.Безруких от 26 января 1939 г. — И тема моих работ — Север и Арктика”. И только поддержка в двадцатые годы Шергина, Покровской и других сотрудников московского Института детского чтения, не скрывавших восхищения писаховскими творениями, помогла найти свой путь в литературе. “Я только и дышу письмами, — делится Писахов своими переживаниями в письме А.С.Яковлеву от 7 октября 1926 года — В Институт детского чтения (где Покровская, Шергин и я же с ними) пишу ежедневно, — если бы не письма, то хоть в воду прыгнуть!”

Судя по всему, именно по совету Шергиной-Покровской Писахов решил дать в сборник “На Северной Двине” (Архангельск, 1924) свою посвященную “знатокам” Севера небылицу “Не люблю — не слушай...” В сборнике она была помещена после принадлежавших перу Шергина “Северных сказок” (“О рыбе Ерше и о рыбе Леще, как у них суд был за славное озеро Онего” и др.), но по характеру своему так отличалась от традиционного фольклора, что составители сборника не решились назвать ее сказкой и пустили в печать без подзаголовка, как бы оставив за читателем право самому определить жанр произведения.

Писаховское “Не люблю — не слушай...” имеет безусловное генетическое родство с “небывальщиной”, которую так любила включать в свой репертуар его землячка-сказительница М.Д.Кривополенова. Именно фантастика сказок, абсурдность и экстравагантность “небылиц” были для Писахова самой привлекательной стороной творчества. “Фантастика — мир другой, — писал он Я.Э.Шведову 1 октября 1949 года. — Все крутится узором. На песне могу ехать, плыть, лететь!” Возможность создать необычную сюжетную ситуацию, воспарить воображением в волшебный мир добра и справедливости, где в отличие от реальной жизни зло терпит поражение, где блистает лукавый русский ум, — все это питало творческое воображение Писахова. “Соединение несоединимого” в жанре сказочной фантастики определило его писательские пристрастия. В письме Г.Т.Нарышкину от 27 декабря 1959 г. он называл себя “фантастом” и оправдывал свою любовь к странно-необычным, неправдоподобным ситуациям тем, что “фантасту легко начать “входить”, и картины прошлого являются”.

Сказка Писахова “Не люблю — не слушай” стала тем материнским лоном, из которого вышли ставшие знаменитыми “Морожены песни”, “Северно сияние”, “Звездный дождь”.

Писахов сразу же нашел удачный образ рассказчика, от лица которого и повел повествование во всех своих сказках. Это его земляк, знаток местных традиций, человек лукавый и остроумный. Он настолько уверен в подлинности воссоздаваемых событий, что даже не испытывает потребности в мотивировке фантастического. Как убеждал своих читателей Писахов: “Нельзя класть запрет мысли. Пусть летит, вьется. Говорят: человек не может придумать, чего не может быть. Если моя баба на радион (радио. — Ю.Д.) в гости летала, а это правда, даже в печати обижано, хотя и с моих слов, а сказано — значит, правда”.

Многообещающее начало, однако, не имело продолжения: пробыться на страницы столичных журналов Писахову долгое время не удавалось. Он пробовал использовать связи известного в то время писателя А.С.Яковлева и посылал ему то “местный сказ”, то “побасенку маленькую”, то маленький, величинной со страничку, рассказ “Как русский матрос ловчее английского оказался” и объяснял свое желание опубликоваться тем, что его “гонит окончательное безденежье”. Но не столько ма-



терпательные затруднения подвигали Писахова на литературную работу, сколько переполнявшие его воображение фантастические образы. Даже в описание рядовых будней порта Писахов умудрялся вставить “очеловеченное” изображение речных судов, которые ведут себя совсем по-сказочному. “Там буксирсы насовались около ребячьей толпой, а более озорные на стенки повыскакивали, что с них возьмешь!” — шутил он в письме А.С.Яковлеву от 23 января 1926 года. Впоследствии этот образ путешествующего по земле парохода Писахов использовал в сказке “Вскать по реке”, где ожившее, выбравшееся на берег суденышко “унытилось” в лес да подняло там такую “стукоток да трескоток”, что “пароходски оглуевших зверей да птиц голыми руками хватали”.

В 1930 году в Москве вышел сборник сказок Б.Шергина “Шини Московский”, а вслед за ним и Писахову удалось протолкнуть путь на страницы столичного журнала “30 дней” (1935, № 5), где под заголовком “Мюнхгаузен из деревни Уйма” появились сказки “Уйма в город на свадьбу пошла”, “Из-за блохи”, “Волчья шуба”, “За дровами и на охоту”, “На корабле через Карпаты”.

“В “30 дней” я посылал с большим выбором, тогда я посылал для печатания, — вспоминал Писахов в письме к П.Е.Безруких от 30 октября 1938 года — И каждое появление сказок в “30 дней” для меня было неожиданностью. Еще не научился быть уверенным в пригодности моих писаний”. Если ранее он терзался в сомнениях, “писать или бросить”, то “когда сказки стали появляться в “30 дней”, меня как подлестнуло”. За короткое время (1935—1938 годы) в этом журнале появилось три десятка сказок Писахова, что ускорило выход в свет первой книги автора (Архангельск, 1938).

В журнале “30 дней” к сказкам Писахова отнеслись как к еще одному проявлению богатства народного искусства. В глазах москвичей архангельский сказочник был прежде всего наследником и продолжателем традиций русского фольклора. Писахов охотно согласился с правилами предложенной ему игры и с середины тридцатых годов повел повествование от лица Сени Малины, жителя деревни Уйма, что в 18 километрах от Архангельска.

В данном случае писатель поступил точно по примеру Шергина, который приписывал авторство многих своих произведений безвестным архангельским поморам.

Но как и Шергину, Писахову впоследствии не раз приходилось сожалеть о содеянном и требовать, чтобы его книги имели заголовок “Сказки Писахова”. “Добавлю: у Малины я не слышал ни одной сказки! — настаивал он в конце жизни на авторстве своих произведений. — Дабы использовать его имя, приписал ему сказки общеизвестные. Издательства отказываются назвать сборник: Сказки Писахова. Пишут: Писахов. Сказки”.

Но легенда о придуманном Писаховым сказочнике из Уймы Сене Малине оказалась столь живучей, что в нее поверили сами жители Уймы, никогда не знавшие среди земляков крестьянина-сказочника с таким именем. Ныне ценителям писаховского таланта могут показать в Уйме и баню, на которой в “бывалошные” времена Малина вышел в море за рыбой, и тропинку, по которой Сеня вел на цепочке “матерущего налима”...

Хотя Писахов в предисловии к первому изданию “Сказок” и уверял, что он в 1928 году был у Сени Малины и запомнил от него историю, как тот “на корабле через Карпаты” плавал (“Малину знали как враля, слушали, смеялись, но никто не записывал рассказов Сени Малины”), однако попытки фольклористов найти в Уйме прототип талантливого рассказчика небылиц и, в частности, идентифицировать его с крестьянином Семеном Михайловичем Кривоноговым не увенчались успехом. Вместо того чтобы искать родственную Сене Малине душу в Уйме, стоило обратиться к “Народным русским сказкам” А.Н.Афанасьева. Там можно обнаружить крестьянина Сеньку Малого, тоже родом из небольшой деревни и тоже редкого удалца. Пока его дядя крадется к гнезду дикой утки, Сенька успевает вырезать из сапог родственника подметки. “Ну, Сенька, — сказал дядя, — я хитер, а ты хитрее меня”.

Конечно же, писаховский Сеня Малина ведет себя куда более прилично и не в пример своему тезке никогда не будет красть быка у мужиков или грабить государеву казну. Но и он на потеху односельчан не прочь ловко обмануть пона или чиншовника. О таких “умельцах” (хитром даже, ловком воре) сложено немало сатирических сказок, и часть из них удалось записать Д.М.Балашову на Терском берегу Белого моря в 1957—1964 годах, когда фольклорист знакомился с сокровищами “живого, вечно манящего устного рассказа”. В этом отношении писаховский Сеня Мали-

на может с успехом вести свою родословную и от героев русской сатирической сказки.

Писахов не понаслышке знаком с европейской культурой, сравнение его сказок с веселыми приключениями немецкого барона Мюнхгаузена естественно. Хвастливые рассказы знаменитого лжеца не могли пройти мимо внимания нашего писателя, и можно невооруженным взглядом увидеть перекличку между сюжетными хитросплетениями "мюнхгаузады" и лукавым юмором писаховских сказок. Так, история, как Сенья Малина "и пиадцать глухарей да двух зайцев одной пулей" подстрелил, восходит к подвигу Мюнхгаузена, который использовал вместо дробин шомпол и одним выстрелом нанизал на него семь куропадок. Способность Сени разбежаться, размахнуться, "швырнуть себя на воду" напоминает счастливого талант немецкого сказочного героя, ухватившись за собственную косу, вытащить из болота и самого себя, и коня. Сходным образом у обоих авторов ведутся лесозаготовки. Великан из немецкой сказки, позабыв дома топор, веревкой обвязывает рощу и "с легкостью, словно это охапка тростника", валит добрую квадратную милю леса. Не уступает ему в силе и архангельский мужик: не обнаружив топора, Сенья Малина обхватывает деревья веревкой "и так, лежа да отдыхаячи, много лесу навалит". По мнению А.Горелова, отдельные частности в сказках Писахова созвучны, кроме "Мюнхгаузена", с деталями "Пантагрюэля" Рабле, "Похождений brave солдата Швейка" Гашека.

Впрочем, влияние книжной продукции на сюжеты сказок замечено на Европейском Севере уже с конца XIX века. Именно к тому времени относятся записанные Д.М.Балашовым на Терском берегу Белого моря сказки, которые выучены по книжкам и дошли до нашего времени. Один из стариков-сказочников рассказывал "Марракоту бездну" А.Конан-Дойля; другой знал наизусть всю "Тысячу и одну ночь"; третий излагал содержание дореволюционных лубочных изданий. О заметном влиянии книг на репертуар сказочников Карельского Поморья писали фольклористы А.П.Разумова и Т.И.Сенькина, объясняя этот факт грамотностью местного населения: "Здесь известны сказки в обработке русских и зарубежных писателей, сказки, почерпнутые из лубочной литературы"<sup>18</sup>.

Во время экспедиций в села Карельского Поморья фольклористам приходилось слышать и записывать арабские сказки, сказки братьев Гримм, пересказ "Конька-Горбунка" Ершова, сказок В.А.Жуковского и А.С.Пушкина.

### 3

Разноречивое влияние книжной культуры и устной традиции порой ставило в тупик исследователей творчества Писахова: в нем видели то продолжателя традиций красноречивых северных сказителей и числили по ведомству фольклора, то считали профессиональным писателем и отдавали его творчество на откуп литературоведам.

Сказки Писахова стали еще одной каплей в чаше споров об отличии и сходстве фольклора и литературы. История многолетних дискуссий на эту тему изложена в статье Н.И.Толстого "...От А.Н.Веселовского до наших дней"<sup>19</sup>.

Автор вспоминает работы П.Г.Богатырева и Р.О.Якобсона, которые еще в начале тридцатых годов заявили, что, как бы ни были тесны генетические связи фольклора с литературой, между обеими формами творчества имеются существенные структурные различия. Они заключаются в разном понятии "рождения" и "бытия" литературного и фольклорного произведения, в установке творческой личности. Если литературное произведение объективировано, существует помимо члена, то единственный путь фольклорного произведения — это путь от исполнителя к исполнителю.

Далее в своей статье Н.И.Толстой называет известную работу В.Я.Проппа "Специфика фольклора" (кроме различия устной и письменной формы, исследователь отмечал различие по признаку изменчивость/неизменяемость фольклорного и литературного текста; бытование фольклора во множестве вариантов при отсутствии их в литературе) и добавляет другие положения. Наряду с признаком устный/письменный Н.И.Толстой выдвигает показатели: анонимный/авторский; традиционный/нетрадиционный, разумея под последним новаторство, сменяемость направлений в литературе.

Если с точки зрения вышеизложенного вернуться к творчеству Писахова, вывод напрашивается сам собой: сказки Писахова — это не фольклорные, а литературные произведения. Во-первых, зафиксиро-

<sup>18</sup> Русские народные сказки Карельского Поморья. Сост. А.П.Разумова и Т.И.Сенькина. Петрозаводск, 1974. С.24.

<sup>19</sup> Толстой Н.И. ...От Веселовского до наших дней. Живая старина. 1996. № 2. С.2—5.

ванные в письменной форме, они не имеют вариантов. Во-вторых, автор решительно отвергает анонимность их происхождения и отстаивает свое авторство: “Проведя почти всю жизнь впроголодь, я хочу хотя бы авторство своих сказок за собой уберечь”. В-третьих, сказки Писахова нетрадиционны. В них не прослеживаются черты, типичные для общерусской устно-поэтической традиции, отсутствуют традиционные сказочные формулы, сказочный зачин и концовка, нарушаются закон трехчленности и трюичности. По своему новаторскому характеру писаховские сказки отличаются от исполненных в классическом сказочном стиле фольклорных произведений, в которых соблюдена сказочная обрядность, сохранены традиционные сказочные сюжеты.

Поскольку сказки Писахова по всем показателям должны быть отнесены к литературе, при их анализе отпадает необходимость применять методы и понятия, добытые путем разработки фольклорного материала. Но и само по себе отнесение их к литературной сфере еще не ставит точки в вопросе о “рождении” и “бытии” писаховских сказок. Здесь опять придется вернуться к обзору Н.И.Толстого, который упоминает опубликованную к эпоху нэпа и помещенную в “Литературной энциклопедии” (Т. 1. М.—Л., 1925) статью фольклориста Ю.М.Соколова “Народная литература”. Под ней Ю.М.Соколов условно понимал литературу крестьянства и прилегающих к нему слоев: пролетариата, мещанства, мелкого купечества, городских лавочников и т.д. В петровское время и позже эта литература сохраняла традиции и репертуар древнерусской книжной культуры (жизня святых, легенды, поручения и т.п.) и породила так называемую лубочную, или “народную”, литературу, которая противостояла и противостоит “народной словесности” как письменное “творчество” устному, как вторичный по своему происхождению и составу корпус текстов первичному, исконному корпусу художественной литературы или корпусу фольклорных произведений.

Не оспаривая выводов Ю.М.Соколова, академик Н.И.Толстой дополняет их расчуждением Ю.М.Лотмана относительно массовой, а следовательно, и лубочной литературы: она представляет собой “фольклор письменности и письменность фольклора”, и в этой сфере происходит смыкание литературы и фольклора.

Применяя изложенное выше к творчест-

ву Писахова, приходим к выводу, что его сказки есть часть “народной” (по Ю.М.Соколову), “массовой” (по Ю.М.Лотману) литературы и представляют собой “фольклор письменности и письменность фольклора”. Писахов творил на той “ничейной территории”, где происходило смыкание массовой письменной литературы и устного городского народного творчества.

Опубликованные в 1938 году отдельным томом “Сказки Писахова” были восприняты рецензентами прежде всего как еще один аргумент в утверждение тезиса о невиданном расцвете современного народного творчества, как свидетельство огромного творческого подъема среди народных масс, а герой сказок Сеня Малина был представлен читателям как выразитель мыслей и чувств передового русского крестьянства. В течение последующих десятилетий было принято в разговоре о писаховских сказках делать упор на их классовое наполнение и хвалить писателя за то, что его произведения “преисполнены гневом, когда речь идет о притеснителях народа”.

При этом не принималось во внимание, что Сеня Малина родом из близлежащей к Архангельску деревни, которая уже до революции перестала жить по канонам патриархального крестьянства.

Малоплодная земля, суровый климат не давали надежды на хороший урожай, и таким, как Сеня Малина, приходилось, оставив жену и детей в деревне, уходить на заработки и неизбежно приобщаться к городскому массовому фольклору.

Будучи крестьянином по происхождению, Сеня Малина уже хлебнул городской жизни, знает, почему фунт лиха, и потому имеет возможность взглянуть на своих земляков отстраненным взглядом. Он сохраняет чувство собственного достоинства, даже если его называют “врагом”, ведь он же в душе артист, художник, и смех слушателей — это признание его таланта.

Открывавшая первую книгу Писахова сказка “Уйма в город пошла” сразу задавала тон “враливым” историям из жизни Сени Малины и начиналась описанием “неслыханного” хождения толпы оживших деревенских изб в город на гулянку. Если скептически настроенные слушатели и в первую очередь жена Сени воспринимают эту историю как “небывальщину”, то для мужика “моя-то выдумка, коли на то пошло, дак вернее женщиной правды”. Жизнь истинной Руси Писахов оживляет картинами сказочного мира и добывается читательски сопереживания. Сеня Малина

сам удивлен "небылатостью" "гулянки" деревенских домов, но не поверить ему нельзя, столь правдиво, в живописных деталях обрисовано это невиданное действо: "Домы степенно идут, не качаются, для форсу крыши набекрень, светлыми окошками улыбаются, повети распустили, как наши бабы — сарафаны подолы на гулянке". Эффект сопричастности достигается талантливым обоснованием вымысла: красочными мелочами, выразительным психологическим рисунком поведения "оживших" изб, похожих на разгулявшихся крестьянок.

В рамках фантастического сюжета другой сказки "Свадьба" невеста — "соборна колоколья" и жених — "пожарна каланча" устраивают такую кутерьму, что "улицы с задворками переплелись". Действие происходит в сказочном мире, но он тесно соприкасается с реально-бытовым. Линия поведения каждого сказочного персонажа выстраивается в точном соответствии с его характером, материальным благополучием, положением в обществе. "Соборна колоколья" ("вся в пыли") потому и выглядит неважно, что она "невеста-перестарок, не первую сотню стоит". Недалеко от нее ушел и жених — "пожарна каланча, весь обшоркан, цыкатурка обвалилась, покраска стняла, флагами обвесился, грехи припрятал, на верху пожарной ходит, как перо на шляпы". Характеристика жениха точна и предельно насыщена. Это умение Писахова верно направить свое воображение, придать сказочному действию убедительность мотивировки и психологическую достоверность создают условия для создания образной, наглядной, зримой картины взаимодействия человека и общества.

Необычайное может принимать в сказках Писахова самые разнообразные формы. Это могут быть "морожены сказки", которые на беду исправника и губернатора оттаяли в канцелярии, так что начальство "видимось важну потеряло и пустилось вскачь и наубег". Это может быть сооруженная Сеней "выше дома, выше леса" "ледяная колоколья", которую пон Сиволдай поторопился себе присвоить, да пострадал из-за жадности. Когда "кругом оттепель пошла, снег смяк. Пон с понадей, дычок с просвириной в снегу покатились..." А еще над деревней по воле разогнавшего себе температуру до ста двух градусов Сени Малины могут столкнуться жар да мороз и образоваться "ледяной купюл", и опять не просто так, а чтобы "начальство Уйму по-

теряло" и штрафов с деревенских не могло сыскать. Но как бы ни был занимателен, загадочен острый сюжет сказок Писахова, за ним стоит столкновение характеров, социальных воззрений.

Сказки Писахова — это не просто увлекательные, поражающие воображение произведения, это литература с большой буквы, способная по-настоящему увлечь, заинтересовать читателя как источник эмоций и эстетического наслаждения. Говоря современным языком, она дает читателю энергетическую подпитку, помогает ощутить полнокровную радость человеческого бытия, устраивает праздник солнечного самоутверждения личности. Поистине удивителен оптимизм Сени Малины, его уверенность в победе над силами природы, решимость в мечтах сравняться со всемогущим Богом: радугой управлять ("Своя радуга"), вмораживать лучи солнца в столбы ("Снежны вежи"), давать тепло деревне ("Своим жаром баню грею", "Моей горячностью старушонки нагрелись"), шагать по морю ("Рыбы в раж вошли"), выращивать на архангельском севере апельсиновое дерево, плодами которого "вся деревня всю зиму сыта была" ("Апельсин").

Писахов унаследовал избранную крестьянскими расколыниками основную идею крестьянской реформации: мир во зле лежит, стал царством торжествующего зла и мерзости. По этой причине Сеня Малина столь страстно обличает служителей христианского культа, правителей злого царства. Путешествие в вымысел, в сказку для Писахова и его сказочного героя — это форма бегства и очищения от скверны, возможность хотя бы в воображении избавить мир от злой порчи, наказать поклоняющегося антихристу власти, ввести слушателей в райские селения...

Но Сеня Малина не был бы потешником-скоморохом, если бы на полном серьезе воспринял обещание получить на том свете отдохновение от бремени здеинного мира. Он вовсе не собирается читать проповедь о судьбе души после смерти.

"Как видите, я сказку плету из воспоминаний прошлого, — сообщал Писахов в письме к П.Е.Безруких от 18 ноября 1938 года. — Цель моя — дать веселую минуточку и показать прошлое в настоящем виде. Приходится много сдерживать себя, много рвать, переписывать без крепких слов, но покой крепковато выходит". Писахов не мог не ощущать, что, передавая мысли и чувства прошлых поколений, он неизбежно приходит к обобщению современной

жизни, реальной действительности и что за негодными правительствами и ржавой бюрократической машиной ушедшего времени опытная цензура может увидеть желание автора "показать прошлое в настоящем виде".

Обращение к сказочной фантастике позволяло не сдерживать свои мысли и чувства, выражаться "кренковато" и сохранить творческое лицо в условиях "культ личности". К своей радости, элементы фантастики Писахов обнаружил в творчестве одного из любимых своих писателей — Ф.М. Достоевского, произведения которого он любил перечитывать во время работы над сказками. "В своих чтениях я периодически возвращаюсь к Достоевскому, — писал он А.С. Яковлеву 18 октября 1925 года — Читаю как смотрю".

В понимании Достоевского фантастическое — это "форма искусства", "безбрежная фантазия". Для фантастического как "формы искусства" характерно нарушение законов "пространства и времени", "законов бытия и рассудка" ради тех "точек, о которых грежит сердце".<sup>20</sup>

Писахова привлекала поэтичность фантастики, стирание границ между фантастическим и реальным. "В сказке часто не знаю, как повернется узор, — признавался Писахов в письме П.С. Соколову-Микитову от 30 августа 1949 года. — Столько соблазнов! Будто зовывают в разные закоулки, полянки. Бывает, что плету одну, а рядом вьется другая сказка. Иногда теряется, а порой и попутно удается на бумагу уложить. Пока сказка вьется, пока вся еще не сказана, узор еще не совсем готов и нет последнего слова, сказка хрустка". Даже допустив нарушение законов пространства и времени, Писахов по примеру Достоевского стремился во всем остальном быть верным действительности, чтобы читатель поверил вымыслу.

В основу сказки "Железнодорожный первопутник" был, по свидетельству Писахова, положен реальный случай: "В 1896 году дорога до Вологды. В мороз ж.д. путь сдавали, в оттепель провалилось". Эта документальная история под пером Писахова превращается в феерию необыкновенных приключений Сени Малины. Если в реальной жизни паровоз лишь сошел с рельсов, то в сказке он полетел "сквозь болота и

сквозь всю землю" вплоть до Америки, а когда вернулся обратно, был "весь землей утеплен, живоно мест званья нет. Да што паровоз! Мы-то сами так землей обтыпались, што на вид стали как черны подолы".

При всей поэтической вольности писательского вымысла, путешествие "сквозь всю землю" изображено как действительное происшествие. Упомянутая о запачканных грязью паровозе и его пассажирах, Писахов, таким образом, сопрягает фантастическое с реальным, что читатель не может нарушить очарования вымысла и с чувством признательности за наслаждение сказкой выслушивает уверения Сени Малины: "Вранья не терплю! Сам знаешь: што ни говорю — верно, да таково, што верней искать негде". Подобно Достоевскому, архангельский сказочник работает в русле "реалистической фантастики" и, допуская неестественное событие, нарушающее законы "бытия и рассудка", "во всем остальном совершенно верен действительности".

Если в "Удивительных приключениях барона Мюнхгаузена" зачастую фантастическое недостоверно, то в сказках Писахова "безбрежная" фантазия писателя всегда опирается на материк крестьянской жизни. Казалось бы, один и тот же сюжет (путешествие на Луну) обыгрывается и в "Мюнхгаузенаде", и в сказке Писахова "Лунны бабы", но русский сказочник выигрывает это творческое соревнование за счет логически мотивированного обоснования "небывальщины". Сенья Малина обнаруживает на Луне знакомую деревенскую жизнь, но уклад ее столь необычен, что иначе как фантастической она и не может быть воспринята русским мужиком. Поистине "небывальщиной" выглядит картина пахоты на Луне, когда местные бабы "на мужиках сидят да хворостинной подгоняют". Понятны и причины, по которым Сене Малине расхотелось там оставаться: "Правов у мужиков никаких нету. Жонки над ними выхаживаются, как придумают. Мужиков в щепы щиплют, из мужиков веретено точат. С мужиков лыко дерут". В описании фантастического жития на ночном свете, как и в рассказе о полете на Луну (с использованием в качестве ракетных двигателей двух кипящих самоваров) и возвращения на Землю (с помощью бабкиной ватной юбки вместо тормозного парашюта) Писахов в качестве строительно-материала использует детали крестьянского быта, и это облегчает переход от реального к фантастическому и от фантастического к реальному.

<sup>20</sup> Цит. по кн.: Захаров В.Н. Фантастическое в эстетике и творчестве Ф.М. Достоевского: Автореф. дисс. канд. фил. наук. Петрозаводск. 1975. С.5.

Крестьяне верили, что колдуну помогают сверхъестественные силы, что “нечистые” обитают в особом мире, не подчиняющемся законам природы. Когда Писахова в шутку называли “колдуном”, то за этим стояло давнее уважение в людям, наделенным магическими знаниями, — посредникам между сверхъестественным миром и миром человеческим.

Некими колдовскими способностями наделен и герой писаховских сказок. Ему по силам не только побывать в особом мире, устроенном на Луне паподобие человеческого (где все “наоборот”), но и через владение магическими приемами заставить неодушевленные предметы подчиняться воле человека. Пожелает Сеня Малина чаю — и вот уже “самовар руки в боки, пар пустил до потолка и насвистывает, песню поет”, а там вместе с печкой на потеху хозяину в пляс пустился (“Пляшет самовар, пляшет печка”). Стоит Сене по дороге на городской рынок затянуть веселую песню, как происходит чудо: “Карька пляшет, телега скачет, кладь над телегой едет” (“Сила моей песни плясовой”).

Магическая функция заложена и в положительных концовках сказок Писахова, где всегда побеждает добро. Через заговорную формулу, сохраняющую внутренний магический смысл, сказочник как бы отгоняет злые силы, помогает благотворному для человека развитию событий. Не случайно Уйма с ее сказочником Сеней Малиной словно бы отгорожена от бед и напастей. Если соседние деревни “одинаково под полицейскими стонут”, то жители Уймы то и дело “смехом рассыплются, будто спомнят что” (“Как я чиновников потешил”). А объяснение такому феномену у самих крестьян одно: сказки Сени Малины играют роль заговорной конструкции, не только перечисляющей, но и уничтожающей зло. “Дело, говорят, просто: наш Малина веселы сказки плетет, песни поет, порой мы не знаем, где правду сказывают, где врать начинают — нам весело, мы смехом и обиду прогоним, и усталъ изживам”.

В сказках Писахова комическое возникает из противоречия между упорядоченным бытовым укладом деревенской жизни, привычкой северян к мирским общинным порядкам старой Руси — и необычайными выдумками Сени Малины, живущего в созданной фантазией крестьянском раю. “Фантазия начинает свое дело полетом, — говорил Писахов, когда его спрашивали, “почему много лѣту в сказках?” — Не мое дело останавливать фантазии полет”.

В своих фантазиях Сеня Малина совершает такие вольные “подвиги”, исповедуется в таких удивительных поступках, что окружающие смеются над “небылицами” Сени Малины, пронизывают по поводу его благородного желания всегда и всюду наказывать зло и воздавать добру, но и посвоему любят за постоянную готовность без страха и упрека отстаивать честь и достоинство простого человека, помогать угнетенным и страждущим; ценят за красноречие, за особое наслаждение, доставляемое необычайностью полета фантазии расказчика.

В своем герое Сене Малине Писахов воплотил многие черты любимого литературного персонажа — Дон Кихота. Так же как благородный рыцарь в своем безумии остается уверен в значимости собственной персоны и своих рыцарских подвигов, так же и Сеня Малина верит в возможность всего того, что происходит в “небывальщинах”, в возможность собственными силами, в одиночку, изменить мир и хотя бы через сказку ввести будущее в настоящее.

Поэтика сказок Писахова органически сочетает романтическую мечту и реализм и опирается на животворную связь с фольклором, глубокое проникновение народным миропониманием. “Меня положительно восхищает изумительная полнота звучания подлинно народной жизни и речи”,<sup>21</sup> — писал Павел Бажов Писахову, признаваясь в своем желании иметь книгу его сказок.

Стиль Писахова обнаруживал такую степень свободы от канонов прозаической повествовательной формы, что в глазах профессиональных литераторов тридцатых годов архангельский сказочник выглядел диковинным озорником, невесть откуда взявшимся скоморохом-потешником. Когда во время приема Писахова в Союз писателей 27 декабря 1939 года Александр Фадеев читал вслух рукопись сказочника, то, по воспоминаниям Л.И.Лагина, “его чтение время от времени прерывалось дружным смехом остальных участников этого необычайного заседания. Это были уморительные истории о том, как некий дед Сеня Малина... Не думайте, однако, что Фадееву удалось спокойно дочитать сказки до конца. Анна Караваева все время порывалась перебить у него инициативу. Они читали вперемежку, с видной неохотой уступая друг другу очереди!”

<sup>21</sup> Цит. по кн.: Сахарный Н. Писахов: Биограф. очерк. С.82.

Обновление художественной речи происходит у Писахова за счет возвращения к диалектной народной стихии, возрождения сложного метафорического ряда. Писахов часто пользуется неожиданным сочетанием далеких понятий, обладающих повышенной метафоричностью: “звездный дождь”, “морожены песни”, “морожены волки”. Иногда метафорический образ распространяется на всю сказку, свидетельствуя об избыточности творческого воображения художника. В сказке “Яблоней цвел” комический эффект возникает из буквального развертывания выражения “расти, как дерево”: Сеня Малина “придумал стать яблоней”, и вот уже на нем “ветки кружевятся”, “листки развертываются”, “яблочки спеют, наливаются, румянятся”.

Писахов испытывает особое пристрастие к словам устаревшим или из языка ушедшим: андели (ангелы), изгиляться (зубоскалнить), спорыдать (всходить) и т.д. Верность живому речевому материалу воплощается в настойчивое замещение литературного слова — разговорным, обыденным. Особенно это заметно в первых двух книгах сказок Писахова, где сохранено даже фонетическое звучание устного рассказывания: “Вот и ишшут, вот и рышшут... Коли хто нам нелюб, тому в глаза свет ослепительный пушшам”.

Для Писахова широкое использование северно-русских говоров не являлось самоцелью, а было продиктовано доверием к чувствам и мыслям человека из народа, живущего “в мире особом, дальностью от шума сохраненном”. К этим строкам из письма А.С.Яковлеву от 27 сентября 1925 года Писахов присоединяет живописную картину нравов на Пинеге-реке, где “оживает XVI век. Девки-хваленки в досельных больших нарядах, да обряды, да песни, да присказы. А народ! Что одни бороды у стариков! Бородаща что копна, ножницами не поганенная. Подушкой вздымается — столь густо волос!” Отсюда, из народа, Писахов нес в свои сказки устную речь. В народно-смеховую культуру уводит жанрово-стилевое своеобразие его сказок, их словесно-зрелищная форма. “Я больше вижу, чем слышу, — признавался Писахов в письме Я.З.Шведову от 1 октября 1949 года — ...Одно дело придумать, другое дело — видеть”. Именно поэтому для художника Писахова, ставшего прозаиком, так важно перевести на словесный язык конкретно-чувственные образы “мира особого, дальностью от шума сохраненного” и передать читателям свою истинную любовь к суровому и прекрасному Северу.

Как это и присуще сказкам-небылицам, сказки Писахова нарушали все привычные законы соцреализма и вызывали у читателей тридцатых годов чувства неподдельного удивления и восхищения. Дело было не только в необычайности повествования, но и в открыто выраженной общественной позиции автора, не побоявшегося в атмосфере всеобщей подозрительности, зашоренности общества политическими лозунгами сделать главным героем веселого, находчивого, презирающего “власть пмущих” русского крестьянина. Этот тип “веселого молодца”, за маской простодушного дурачка и фантазера прячущего сильную волю и природный ум, был знаком русскому человеку. Присущая “веселому молодцу” “нензвясная душевная неудовлетворенность, от которой он не в состоянии основодиться... неясное искание человеческого духа... близко и понятно народу; благодаря ему плутоватый вор становится иным в народном воображении, как бы поднимается на героическую ступень; его настроение совпадает с настроением народа — создателя лирической песни”.<sup>22</sup>

По той же причине веселый выдумщик Сеня Малина поднялся в народном воображении на уровень последнего “охранителя” крестьянской России, пережившей в тридцатые годы трагедию раскулачивания и всеобщей коллективизации. Так же как в далеком прошлом “скоморохи-прелестники” помогали своим искусством облегчить жизнь народа и за “богомерзкие и скверные песни и всякие бесовские игры”, согласно грамоте царя Алексея Михайловича от 1648 года, причислены к опасным для государства лицам, так и Писахов пытался веселой фантазией, сказкой развлечь уставший народ, но был встречен настороженным отношением со стороны помнившей о его “белогвардейском” прошлом власти и порицательными отзывами тогдашнего руководства писательской организации Северного края.

Письма Писахова тридцатых годов пестрят упоминаниями о “злом замалчивании в Архангельске”, об отказе местных журналов публиковать его сказки. “Если бы вы не написали первого письма (второе я уже ждал), я, пожалуй, оставил бы сказки, как почти оставил живопись”, — сообщает он в письме к П.Е.Безруких от 20 октября 1938 года. Еще через десять дней в письме тому же адресату Писахов благодарит за сочув-

<sup>22</sup> История русской литературы. Под ред. Е.В.Аничкова. Т.1. М., 1908. С.379.

ствие и понимание: "Ваше письмо согрело, я увидел, что Архангельском мир не ограничивается".

Но как бы то ни было, именно в Архангельске вышли первые две книги сказок Писахова (1938, 1940 годы), включавшие основной корпус произведений писателя. Тираж их был небольшой, и они разошлись в основном среди читателей северного региона. Писатель мечтал о выходе книги в Москве и с помощью влиятельных друзей предпринимал необходимые шаги. "Жил у Шергина — Покровской, был у Леонова — Лидина... Словом, в Москве я почувствовал, что можно работать", — пишет он П.Е.Безруких 26 января 1939 года. В том же году Писахов получил телеграмму за подписью А.Караваевой и Н.Замошкина с известием о принятии в Союз писателей. Эта поддержка окрылила сказочника.

Перед войной в Москве, в ГИЗе, подготовлена книга сказок Писахова, но она так и осталась в рукописи. Когда же начались боевые действия, сказочная тематика отошла на второй план. "Посоветуйте, куда послать сказки "Малина на фронте", — спрашивает он в письме А.И.Вьюркову от 10 сентября 1941 года. В другом письме тому же адресату от 28 июня 1942 года Писахов сообщает, что закончил сказку "Каравай" — "как фашисты за русским хлебом бросились и что из этого вышло" и жалуется, что "ни одной сказки за весь год не попало в печать, а я пытался".

Годы войны Писахов провел в Архангельске, разделяя со своими земляками все невзгоды тыловой жизни. "О себе скажу: пишу, да только мало пишу — не принимаются мои писания", — жалуется он в письме А.И.Вьюркову от 24 июня 1945 года.

После войны Писахов приносит в Архангельское издательство рукопись, составленную из ста написанных им сказок. Ее "два года перечитывали... Боялись, "как бы чего не вышло", и наконец отобрали девять сказок. Эту маленькую книжечку, опубликованную в 1949 году, Писахов отослал Илье Эренбургу с просьбой "помочь подтолкнуть к изданию мои сказки". Но лишь в

1957 году в издательстве "Советский писатель" появилась первая "московская" книга Писахова. К писателю приходит всеобщая известность. 80-летие со дня рождения сказочника широко отмечают в Архангельске. Центральные и местные издания публикуют статьи о "северном волшебнике слова".

Смерть Писахова пришлась на те годы, когда, с одной стороны, провозглашалось создание новой исторической общности людей — советского народа, а с другой — в недрах СССР скрытно накапливался потенциал противоречий, вызванных в том числе забвением большевиками собственно национальных интересов русского народа в угоду идеологическим догмам. Это многолетнее принижение русского народа вызвало в сознании творческой интеллигенции желание противодействовать идеям интернационализма. Выразителями русского общественного сознания в 1960-1970-е годы стали многие прозаики и поэты, в том числе северяне Ф.Абрамов, Д.Балашов, В.Белов, С.Викторов, А.Романов, Н.Рубцов, О.Фокина, А.Яшин и другие. Свою историческую миссию они видели в сохранении русской нации, ее культуры, истории, бытового уклада, в национальном сплочении русского народа. На этом пути естественным союзником стали сказки Писахова, в которых столь органично соединились присущие "русской идее" принципы сочувствия и доброты, братства и справедливости.

Среди родников писаховского вдохновения были "и фольклор, и вечно живые образы отечественной и мировой литературы, и поморский уклад жизни, рождавший людей богатырской удачи и яркого, меткого слова, и вся атмосфера бурного XX века".<sup>23</sup>

Сказки Писахова стали поистине народными, ибо судьба России была главной заботой писателя.

<sup>23</sup> Абрамов Ф. Были и небыли Степана Писахова // Абрамов Ф. Собр.соч.: в 6-ти т. Т.5. СПб., 1993. С.357.